

АНТОН ФАРБ

ГЛИФ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАК СКУЧНО ЖИТЬ В ПРОВИНЦИИ.

1

С приходом весны с дорог сошел снег, а вместе со снегом сошел и асфальт. Трасса от Киева была еще куда ни шло, но после Коростышева трясина начало так, что даже кино стало смотреть невозможно. Ника закрыла ноутбук, вытащила наушники, смотала провод и наощупь зачихнула все это добро в сумку «Нэшнл Джиогрэфик», пристроенную где-то между коленей. Сериал, который так нахваливал и залил ей на ноут Олежка, оказался средней паршивости клоном «Икс-файлов», и держался на одной только актерской игре.

На подъезде к Житомиру маршрутка запрыгала на колдобинах совсем уж невыносимо; вдобавок, водитель начал вилять, объезжая ямы и выбоины, отчего потрепанный «Спринтер» раскачивало из стороны в сторону. Тьма за окном сменилась чередой ярко освещенных заправок и кафешек. Ника закрыла глаза и не открывала их до тех пор, пока маршрутка не качнулась резко вперед, притормаживая, и водитель, включив освещение в салоне, объявил:

– Автовокзал. Следующая – площадь Победы...

На часах Ники было 23-37, но город, похоже, уже крепко спал. Улицы Житомира были пустынные, редкие пешеходы бродили небольшими группками, занятые решением двух вечных проблем – как достать и где распить, а из машин на дороге преобладали такси. Это обнадеживало. Как и тот факт, что (вот уж чудо, удивилась Ника) на улице горели почти все фонари, ярко светились ситилайты и бигборды, и возле нового торгового центра мерцали синие гирлянды, намотанные на голые ветви деревьев.

Двенадцать лет назад (А точно двенадцать? – уточнила у себя Ника и ужаснулась: да, точно), когда дед вез ее по ночному Житомиру на своей зеленой «Ниве» в Борисполь, улица Киевская, как и весь Житомир, была погружена в первозданный мрак, и единственным ярким пятном – это Ника помнила очень четко – была галогенная реклама магазина «Секунда»... С тех пор город изменился, не сильно, правда, но явно в лучшую сторону.

А вот площадь Победы осталась точно такой, как помнила Ника. Обширное, замусоренное пространство с танком на постаменте в самом центре, и дюжиной такси по периметру. Ника выбралась из маршрутки, с наслаждением выпрямив ноги, забрала из багажника чемодан на колесиках, закинула сумку на плечо, глубоко вдохнула свежий ночной воздух и оценивающе взглянула на таксистов. Один из них, стоя на ярко освещенной центральной площади города в компании коллег и случайных прохожих, деловито мочился на переднее колесо собственного автомобиля.

Видимо, был в этом какой-то свой, потаенный смысл, старинный шоферский обычай, но Нику от увиденного только передернуло. Обойдя придурка по широкой дуге, Ника прошла мимо гостиницы «Житомир» (все такое же обшарпанное убожество), парочки круглосуточных магазинов (пьяные компании у входа, нащупать в кармане газовый баллончик), в конце квартала уселась в крошечную китайскую машинку и назвала адрес.

Дед жил один в четырехкомнатной квартире на седьмом этаже девятиэтажного дома. Дом этот в свое время считался элитно-престижным, так как построен был по чешскому проекту, что подразумевало большую, в сравнении с обычными советскими, кухню и целых две лоджии. За какие заслуги деду обломилась такая роскошь, Ника не знала. Собиралась спросить, да все время забывала.

Заплеванный лифт с оборванной рекламой на стенках ехать вверх отказался. Местное ноу-хау, вспомнила Ника, лифты на карточках. Придется идти пешком. Сумрак лестничных пролетов (посветить под ноги фонариком), вонь мусоропровода. Громоздкая

туша чемодана. Легка одышка к седьмому этажу, легкое же чувство самодовольства. Ну, хоть какая-то польза от трех тренировок в неделю...

Кованая решетка с дверцей на щеколде отгораживала часть лестничной клетки перед дедовой квартирой. Ключ от бронированной входной двери был приклеен изолентой к раме старого велосипеда «Украина», навеки припаркованного в предбаннике.

В квартире деда было холодно и пусто. Пахло ремонтом. Ника включила свет, перешагнула через скомканное старое одеяло – лежку Пирата, сняла с плеча сумку. Раздвижные двери в столовую были сняты с пазов и стояли, прислоненные к стене. Люстру тоже демонтировали, и в лучах света, падающих из коридора, виден был пол с частично сорванным паркетом-«елочкой», и зашитые серыми листами гипсокартона стены. На полу лежали надорванные пыльные мешки, нескрытые еще пачки ламината, рулоны войлока, шпатели разных размеров, кисточки, валики, обрезки штукатурной сетки, ведра со шпаклевкой и прочий строительный хлам.

Дверь напротив, ведущая в студию, была по обыкновению заперта. Дальше по коридору – такую планировку квартиры Олежка называл «распашонка» – был кабинет (направо), спальня (налево) и ванная с душем (прямо). Оставалось только надеяться, что до душа строители еще не добрались.

В спальне на кровати лежала аккуратная стопочка: полотенце большое банное, полотенце маленькое, махровый халат, а сверху записка: «Еда в холодильнике, Пират у Клавдии Петровны (кв.86). Отдыхай!»

Ника бросила сумку возле безупречно застеленного ложа – дед обычно спал на кушетке у себя в кабинете или на диване в студии, если, конечно, спал вообще: на ее памяти ему всегда хватало двух-трех часов сна в сутки – сняла куртку, джемпер, расшнуровала кроссовки и стащила джинсы, сгребла в охапку банные принадлежности и босиком, зажав носки в кулаке, прошлепала в ванную.

Ванную строители уже почти закончили. Новая плитка была небесно-голубого оттенка, еще не отмытая, с торчащими из швов белыми пластмассовыми крестиками. Белоснежный тюльпан умывальника, стиральная машина с пультом управления как у космического корабля, элегантный в своей фаянсовой простоте унитаз, душевая кабинка с массой кранов, вентиляей и форсунок. Однако. Дела у деда, очевидно, пошли на лад...

Носки – в стирку, белье туда же. Забраться в кабинку, задвинуть дверцу. Минуты полторы разбираться в управлении. Еще десять минут простоять под обжигающе горячими струями воды. Вытереться большим полотенцем, развесить его на змеевидной никелированной сушилке. Закутаться в халат, замотать голову маленьким полотенцем. Добрести до спальни. Выключить свет. Рухнуть в стильную постель. Залезть под одеяло. Уснуть.

2

Ее разбудил звонок в дверь. Осторожный такой, вежливый, почти робкий «тирлинь-тирлинь», повторенный раза три. Ника села в постели, стащила с головы влажное полотенце. На голове был какой-то кошмар. Вчера она даже не откинула с кровати плюшевое покрывало и, получается, спала под одеялом и покрывалом, отчего ее бросало в жар. Подушка и простынь были влажные, халат пропах потом. Вот уж чего Ника никак не ожидала, что полтора часа в дороге ее так утомят, и она вырубится, даже не сняв халата... Хотя, скорее всего, на нее так расслабляющее подействовала атмосфера родного дома. Ремонт ремонтом, а ведь она здесь выросла...

Родители со свадебной фотографии на тумбочке смотрели на нее чуточку насмешливо.

Опять «тирлинь». Уже понастойчивей. Кого ж это там принесло в такую рань?..

Ника вытащила из сумки громадную оранжевую футболку «Пауэрхаус джим», в свое время экспропрированную у Олежки, напялила ее вместо мокрого халата, нашарила под кроватью тапочки.

– Иду, – выкрикнула она, осторожно ступая по коридору. – Минутку!

Выглянув в глазок, Ника увидела по ту сторону двери высокого молодого парня со светлыми длинными волосами, собранными в хвостик, и объемным рюкзаком за плечами. На маньяка-убийцу или квартирного вора он похож не был, поэтому Ника отперла дверь.

– Здравствуйте, – чуть удивленно сказал парень. – А Аркадий Львович дома?

Не парень. Мальчик. Точнее, подросток. Лет пятнадцать, но выглядит старше. Зеленые глаза, серьга в ухе, дорогая кожаная куртка-косуха, черные джинсы и непременные нынче берцы, тоже, кстати, не из дешевых.

– Нет, – сказала Ника. – Он уехал на пару дней. А что вы хотели?

Пока Ника разглядывала парня, тот, в свою очередь, пялился на ее всклокоченные со сна волосы, мятую футболку и голые ноги.

– Нет-нет, ничего, – сказал парнишка. – А когда он придет?

– Чего не знаю – того не знаю. Что-то передать?

– Передайте, пожалуйста, что заходил Роман. Я его ученик. Я вот диск принес, с моим заданием.

– Хорошо, Роман, – сказала Ника, принимая диск в бумажном конверте. – Что-то еще?

– Да вроде бы нет, – сказал Роман и неуверенно улыбнулся: – До свиданья!

– До свидания, Роман, – очень серьезно сказала Ника, закрывая дверь.

Ученик? Дед на старости лет занялся репетиторством? Нику кольнуло странное чувство, больше всего похожее на ревность. Насколько она знала, дед никогда и никого не учил фотографировать. Только ее. И страшно гордился ее успехами. А теперь вот – ученик... Ладно, к черту. Где там кофе?

Аркадий Львович Загорский любил кофе так, как может его любить только рано овдовевший и пожилой мужчина-сибарит, вдобавок, еще и проработавший добрый десяток лет на Ближнем Востоке. Сколько Ника себя помнила, дед всегда сам обжаривал зерна, после чего маленькой Никусе вручалась старинная, дореволюционная кофемолка с жутко скрипящей выгнутой ручкой. Потом из недр буфета извлекалась турочка, привезенная то ли из Иордании, то ли из Египта, и начинался сам процесс, к которому Никусю допускали только в качестве зрителя. Кофе, как и плов или шашлык, по убеждению деда, женских рук не терпел...

Но, выйдя на пенсию, заслуженный фотокорреспондент, фотохудожник, фоторепортер, фотомастер, фото-все-что-угодно Загорский, по всей видимости, а) стал гораздо лучше зарабатывать, и б) слегка обленился.

К такому выводу Ника пришла, узрев на кухне вместо привычной турочки и мельницы сияющий хромом и никелем агрегат фирмы «Иннова». Нет, не скромную домашнюю кофеварку, и даже не офисную эспрессо-машину, а именно промышленный агрегат мощностью в двадцать атмосфер, рассчитанный на сотню-другую чашек в день.

– Однако, – сказала Ника себе под нос.

Кофе нашелся на своем обычном месте. После включения, агрегат задумчиво замигал лампочками, а Ника тем временем отворила холодильник. Еда, в понимании деда, подразумевала три сорта сухой колбасы, кусок твердого сыра с дырками такого размера, будто его расстреливали картечью, чуть подсохший лаваш, десятка полтора яиц, упаковку фарша, уже нарезанные и замаринованные медальоны из телятины в картонных коробках, полкило шампиньонов, всякую разную зелень и – важный штрих – банку любимого внучкой сливового варенья.

С такими запасами Ника могла бы продержаться тут месяца полтора. Впрочем, она искренне надеялась, что так надолго отлучка деда не затянется.

Он позвонил ей позавчера; как всегда, не тратя драгоценного времени на обмен пустыми любезностями, сказал, что уезжает на пару дней из Житомира, и раз уж его драгоценная, любимая, единственная внучка с шилом в попе в данный момент находится в Киеве, то почему бы ей не пожить этих пару дней в родной провинции, где она не была уже хрен знает сколько лет? А заодно Пирата покормишь...

Для Ники это был повод сделать то, что она и так давно уже собиралась сделать, но все время откладывала. День ушел на сборы и перенос всех текущих дел на неопределенный срок; и, судя по свежести зелени в холодильнике, дед уехал самое позднее вчера днем. Они с Никой разминулись всего на пару часов.

Монстроподобный агрегат неожиданно зарычал, пшикнул паром и выдал Нике порцию двойного эспрессо. Пригубив кофе, Ника вытащила из холодильника упаковку фарша (который, как она и предполагала, оказался собачьим кормом), и отправилась умываться, одеваться и знакомиться с Пиратом.

3

А девка в квартире у Львовича была зачетная, оценил Ромчик. Худая, жилистая, но с сиськами, торчащими под футболкой, и длинными стройными ножками. И взлохмаченные черные волосы стрижены не то, что бы очень коротко, а – средне; вроде бы это называется «каре», Ромке такое нравилось. В общем, девчонка явно была из тех, что и в лоб могут дать при необходимости, и затрахать тебя до смерти... Трахаться Ромчик в свои шестнадцать еще не пробовал, но был очень подкован теоретически и часто, чтобы не сказать – постоянно, об этом думал.

Занимаясь фотографией у Аркадия Львовича, Ромчик время от времени сталкивался на квартире-студии Загорского с барышнями различных степеней приближения к так называемой «модельной внешности», от анорексичных малолеток до бальзаковских дам. Подобные встречи открывали Роме новые горизонты своего хобби и давали богатую пищу для его столь же богатой фантазии. Сегодняшней незнакомке Ромчик с порога готов был предложить если не руку и сердце, то уж фотосессию в стиле «ню»... если бы не взгляд ее серых глаз.

Девчонка смотрела на Рому так, как, в его представлении, смотрят снайперы. С внимательным равнодушием. Бр-р-р!..

Выйдя из подъезда, Рома замотал шею «арафаткой» и наглухо застегнул косуху. Ветер этим ранним весенним утром был все еще зимний, холодный и злой.

На трамвае Ромка доехал до площади, там пересел на троллейбус, идущий на Корбутовку. В салоне было почти пусто в такую рань, и Ромка, чтобы не пугать пенсионеров своим неформальным прикидом, уселся на заднее сиденье и воткнул наушники. Главное было – не прозевать, где выходить.

Клеврет ждал его прямо на остановке у ремзавода, синий от холода и с сигаретой в зубах. Вообще-то, Клеврета звали Женька, но об этом мало кто знал; после какой-то большой игры кличка Клеврет прилипла к нему раз и навсегда.

– Ну че ты так долго? – возмутился он, пряча руки в карманах потрепанной и не по размеру большой курточки родом из секунд-хенда. – Я тут задубел уже весь.

– Куда идти знаешь? – спросил Рома.

– Туда, за гаражи...

Корбутовку Ромчик знал плохо, и без Клеврета, который здесь жил, наверняка бы заблудился. Район это был странный: тут тебе вроде и военная часть, и военные же девятиэтажки, магазины, кафе-бары-рестораны, а дорогу перейдешь, и сразу лес. Клеврет провел Ромку мимо заправки, сквозь унылый частный сектор с его клочковатыми

огородами, кривыми заборами и домиками-скворечниками на десяток хозяев, по раздолбаной грунтовке (хорошо хоть, оттепели еще не было, и грязь под ногами была окаменелая от мороза) в сторону ржавых и мокрых гаражей.

В одном из этих гаражей, со слов Клеврета, обитал суровый мужик по кличке Чоппер, мастер болгарки и сварочного аппарата, кузнец божьей милостью, самородок-самodelкин, чиню, паяю, примуса починяю. То есть, не примуса, конечно, а мотоциклы. Старые «Уралы» и «Явы», попадая в руки Чоппера, превращались в «Харлеи», за что, собственно, местные байкеры и наградили самородка таким прозвищем.

На дверях гаража Чоппера был грубо намалеван череп в языках пламени, в бездарной попытке подражать стилю американских хот-родов пятидесятых. Клеврет сперва попытался свистнуть в два пальца (он долго учился это делать, но успех сопутствовал ему не всегда), потом тарабанил в дверь кулаком, и, наконец, сдался и позвонил на мобильный. Минут через пять дверь гаража открылась, и изнутри пахло жарким спертым воздухом и сивушным перегаром.

– Шо надо? – спросил невзрачный мужичок с сизым носом и недельной щетиной, высунув голову в щель.

Ромчик, ожидавший кого-то более колоритного – ну, в духе той передачи на «Дискавери», пузо, наколки, усы и т.д. – слегка подрастерялся, а Клеврет сказал:

– Мы за заказом.

– Ролевики, што ли? – уточнил Чоппер. – Ща вынесу...

Может, Чоппер и выглядел, как банальный и сильно пьющий слесарь, но дело свое он знал туго. Заказанные Ромкой латные рукавицы были точь-в-точь как на фотке из рыцарского зала Эрмитажа. Миланский доспех, середина XV-го века. Реплика, Житомир, мастер Чоппер. Обалдеть... Ромка натянул шерстяные перчатки, сверху надел рукавицы, пошевелил пальцами, сжал кулак и ткнул Клеврета под ребра.

– Классная работа!

– А то, – подбоченился Чоппер. – Фирма веников не вяжет. Могу сделать гравировку.

– Не надо, – отказался Ромка.

– А мне, пожалуйста, вот это, – сказал Клеврет, протягивая мятую распечатку. У него вечно не было черной краски в принтере, и Клеврет печатал темно-синим. – Шлем, кирасу и наплечники. Сможете?

– Я-то смогу... – протянул Чоппер, разглядывая нарисованный доспех. – А вот ты... Двести баксов.

Ого, подумал Ромка, но Клеврет, к вящему ромкиному удивлению, недрогнувшей рукой достал из кармана секонд-хендовской курточки два новеньких, хрустящих стольника.

– Когда будет готово?

– Месяц. Или полтора. Я позвоню, – сказал Чоппер.

На обратном пути, пробираясь по тропинке между огородами, Ромка спросил:

– Откуда баблос?

– Я перса продал, – гордо заявил Клеврет.

– В Варкрафте? – обалдел Ромка. – Ты ж его два года качал!

– Прокачал – и продал, – отрезал Клеврет. – Теперь все. Никаких больше игрушек. Только реальность. Сделаю доспех, стану файтемом.

Ромка ухмыльнулся. Клеврет – файтем? Да он же всю жизнь интриганов отыгрывал, ничего кроме кулуарки на игре не совершал.

– Ну-ну. Тренировка сегодня на три, приходи...

– Так у меня же доспеха еще нет! – очень искренне возмутился Клеврет.

Пират вел себя отвратительно. Помесь лайки, кавказца и тираннозавра, лохматое чудовище с хитрющими глазами, Пират первым делом поставил Нике лапы на плечи, привалив ее к стене, облюбил лицо и тут же получил нагоняй от Клавдии Петровны, тишайшего вида старушки, больше всего напоминавшей бабушку из сказки про Красную Шапочку. После словесной выволочки Пират на время присмирел, но уже дома, в квартире деда, завидев поводок, моментально впал в жизнерадостно-щенячий идиотизм.

При этом, пока они спускались с седьмого этажа, чудовище, весившее больше Ники, вело себя максимально корректно, с ног не сбивало, поводок не тянуло, и только нещадно лупило хвостом по Никиным бедрам. А вот уже в сквере, когда Ника его отстегнула, Пират начал отрываться по полной: гонять за голубями, мелкими дворняжками, собственным хвостом и – к ужасу Ники – за детьми. Дети, однако, были с Пиратом давно знакомы, поэтому вскоре уже он удирал от них, довольно ухмыляясь кошмарно-зубастой пастью. Пришлось опять брать его на поводок и бегать вместе с ним...

Было пасмурно, и с неба сыпались колючие микроскопические снежинки. Под ногами хрупал черный от копоти наст.

Через полчаса, когда и Ника, и Пират окончательно выдохлись и покрылись грязью, Пират сам повел временную хозяйку в сторону дома, а Ника сделала себе зарубку на память – обязательно купить лифтовую карточку. Тренировки тренировками, но после такой интенсивной прогулки подниматься пешком на седьмой этаж было удовольствием ниже среднего...

Дома Пират уgomонился, спокойно дал вымыть себе лапы, свернулся мокрым клубком на одеяле и захрапел. Ника стащила с себя заляпанные грязью джинсы и отправилась в душ.

Из душа она вернулась посвежевшей и зверски голодной. Ее внутренние часы отчего-то сбились, как после долгого перелета, и, хотя сейчас было около десяти, аппетит разыгрался вполне обеденный. Снова исследовав холодильник, Ника соорудила себе ужасно вредную, насыщенную жирами и холестерином яичницу с грибами и сыром и, умяв ее в один присест, внесла в список предстоящих покупок молоко, хлопья и еще какой-нибудь полезной еды. Например, спаржи. И помидоров, хотя бы тепличных. Очень хотелось витаминов...

После обеда Ника распаковала ноутбук и вломилась к деду в кабинет. Здесь, слава богу, все осталось без изменений. Плотно забитые книгами полки, стопки журналов на полу, старинный, резного черного дерева стол с зеленым сукном, на котором достаточно дико смотрелся плоский монитор и беспроводная мышка. Этажерка с дисками. Дорогие колонки в деревянном корпусе. Вебкамера. Студийная фотография Ники в шестнадцать лет, незадолго до ее отъезда.

Ника подключила свой ноут к модему деда и первым делом проверила почту. Немножко спама, приглашение на мастер-класс по макрофото в Екатеринбурге, рассылки о дизайне, стандартный набор комплиментов от редактора насчет февральского номера... Обычный хлам. И два личных письма.

Одно – от Олежки, долетел нормально, погоды мерзкие, Питер грязный, заказчики уроды, подрядчики козлы. Олежка был архитектором и специализировался на крупных торговых центрах и развлекательных комплексах. Восемь месяцев в году он проводил в командировках, в основном – в России. У Ники, из-за статуса фрилансера и вольной художницы, график был вообще сумасшедший, поэтому их совместную жизнь называть семейной было бы слишком преждевременно. Впрочем, они и не торопили события...

Второе письмо было с незнакомого адреса. Без присоединенных файлов, размер маленький, темы нет. Можно глянуть.

«Никуся! Это я, дед. Огромная к тебе просьба!!! Сегодня в областной библиотеке в два часа пополудни открывается выставка Глеба Чаплыгина, старинного моего приятеля. Сто лет назад ему обещал сделать фоторепортаж, и вот, свинья такая, задерживаюсь и на выставке быть не могу. Выручай!! С меня сто грамм и пончик!»

Ну, дед, ты даешь. Удружили.

Ника не имела привычки возить с собой много вещей – цыганская жизнь приучает экономить на багаже. Отправляясь в гости к деду, она захватила с собой только самое необходимое и вполне повседневное: черные джинсы, которые уже успел испачкать Пират, зеленые штаны с карманами, серую повседневную юбку, пару блузок и свитерков, замшевые сапожки от «Тимберленда» практически без каблуков, ветровку «Коламбия» и короткую мальчуковую дубленку с овчинным воротником. Сплошной унисекс (не считая, конечно же, юбки) и никакого гламура. А тут такое мероприятие. Богемное, можно сказать...

Ладно, придется импровизировать.

Глеб Эрнестович Чаплыгин, член союза художников Украины, заслуженный артист еще СССР, согласно пресс-релизу, последние четыре года провел на Гаити, после чего вернулся на малую родину, где, благодаря меценатской поддержке фирмы «Радомбуд» и лично господина Радомского Геннадия Романовича, организовал свою персональную выставку под названием «Старые улочки Житомира». Чего Ника не могла взять в толк, так это зачем было ехать на Гаити, чтобы писать улочки Житомира? Видимо, ради ностальгии...

Особого ажиотажа среди бомонда выставка не вызвала. По крайней мере, к половине второго, когда Ника подъехала на такси к библиотеке, толпы восхищенных поклонников там не наблюдалось. На Новом бульваре было ветрено, на клумбах лежал бурый снег, и обсыпалась гранитная облицовка с мертвого фонтана.

Здание библиотеки – грязно-серая бетонная коробка снаружи, изнутри оказалось на удивление просторным и светлым. Холл чем-то напоминал старый фильм «Чародеи»: те же мраморные полы, каркасные лестницы, декоративные перегородки в стиле «советский модерн»... Картины на стенах были завешены белыми покрывалами для создания пущей интриги. Немногочисленный житомирский бомонд тусовался у стендов «История нашего края».

Ника расчехлила свой «Кэнон», повесила его на шею и отправилась на поиски Чаплыгина. Как говорила Лерка, ее коллега и подружка, хороший фотоаппарат дает фотографу возможность два-три раза за день пожрать на халяву. Главное – найти хэппенинг с фуршетом. Хотя на фуршет меценатской помощи господина Радомского и не хватило, большой черный фотоаппарат с длинным объективом автоматически придал Нике статус представителя прессы. По крайней мере, косились на нее с уважением.

Главной распорядительницей мероприятия оказалась молодая (на вид – ровесница Ники), но очень уж страшненькая библиотекарша. Волосы ее были варварски обесцвечены перекисью водорода до состояния мочалки из морского огурца, на прыщеватом личике красовались массивные очки в роговой оправе, а одета девица была в длинную зеленую юбку и блузку со стразами, которые только подчеркивали все недостатки ее фигуры – короткие ноги и слишком широкий таз.

– Здравствуйте! – сказала Ника. – Я ищу Глеба Эрнестовича.

Библиотекарша смерила Нику взглядом поверх очков, оценив дорогую обувь и профессиональный фотоаппарат, и спросила с наигранной заинтересованностью:

– А вы, простите, кто?

– Меня зовут Ника Загорская, – представилась Ника. – Я буду делать фоторепортаж о выставке.

– Фоторепортаж? – удивилась библиотекарша, прикрепляя к своей сверкающей блузке бэджик с надписью «Марина Сергеевна Панчук, младший научный сотрудник». – А вы из какой газеты?

Ника только собралась ответить, как в холл вошел Глеб Чаплыгин. Есть люди, которые сразу и не прилагая для этого никаких особых усилий, оказываются в центре внимания толпы, и маэстро принадлежал к их числу. Высокий, абсолютно лысый, с огромными ручищами, торчащими из рукавов синей спецовки, Глеб Эрнестович больше напоминал портового грузчика, чем представителя творческой интеллигенции. Он громогласно поздоровался со всеми, обменялся рукопожатиями с немногими избранными, чуть не сбил с ног Марину, которая сразу позабыла про Нику и бросилась мастеру наперерез, тут же обнял ее, похлопал по спине и сказал на весь холл:

– Ну, можно начинать. Радомского не будет.

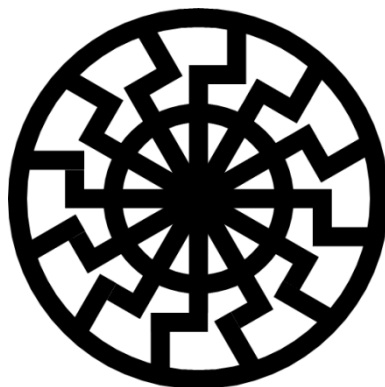
Ника сняла крышку с объектива. Как назло, на улице распогодилось, и сквозь окна библиотеки били косые лучи весеннего солнца. Пришлось лезть в сумку за блендой. Пока Ника возилась с техникой, Марина Панчук толкнула короткую, но эмоциональную речь – что-то там о земляках, талантах, тоске по родине, этапном событии в культурной жизни города и прочей чепухе. Она разливалась соловьем (надо заметить, что говорила она значительно лучше, чем выглядела), а Чаплыгин рассеяно смотрел вверх голов. Ника тем временем выбрала себе удачное место на лестнице между вторым и третьим этажом. Отсюда можно было выгодно обыграть естественное освещение, и перила лестницы удобно делили пространство снимка косыми линиями.

– ...а открыть выставку Глеба Эрнестовича я бы хотела с картины «Центр мира», которую мастер любезно преподнес в дар нашей библиотеке.

Под жиденькие аплодисменты, Марина подошла к самой большой картине и потянула вниз белое покрывало. Ника вскинула аппарат, дабы запечатлеть этот исторический момент, и потому не сразу поняла, отчего вдруг все замолчали.

Чаплыгин писал маслом в реалистичной манере с легким налетом импрессионизма. Центром мира в его интерпретации оказалась водонапорная башня – угловатое и мрачноватое сооружение из красного кирпича, расположенное (если Нике не изменяла память) в двух шагах от библиотеки и служившее своего рода неофициальным символом Житомира. Написана она была резкими уверенными мазками. Голубое небо, бордовая башня, зеленые деревья. Ничего выдающегося, но сгодится для почтовой открытки или коробки конфет.

А поверх всего этого благолепия темно-багровой краской был намалеван странный символ, больше всего похожий на колесо:

Символ явно нанесли через трафарет, причем сделано это было совсем недавно. Потeki багровой краски еще не успели высохнуть. Выглядело это жутко.

В библиотеке повисла гнетущая тишина. И тут раздался рык Чаплыгина:

– Суки! Найду кто – руки вырву!!!

Мучимый чувством вины Клеврет решил проводить Ромку почти до самого дома, аж до самых Заречан.

– Ну ты как? – спросил он, когда они вышли из маршрутки. – Нормально?

– Жить буду, – мрачно сказал Ромчик. Тошнить его уже перестало, и только в голове все еще был вертолет. – Если мама не убьет.

– Ты это... главное – сейчас проскользни по-тихому. А к утру и синяк сойдет, – обнадежил Клеврет. – Я тебе точно говорю. Мазь-то классная, проверенная.

Но проскользнуть по-тихому не получилось. Мать поймала Ромчика в коридоре, пока он, не включая свет, расшнуровывал берцы. Разглядев в вечернем полумраке, что с физиономией любимого чада что-то не то, мама выволокла Ромчика на кухню и – началось.

Сначала была истерика. Слезы, вопли, попытки вызвать «скорую», собственноручно отвезти сына в травмпункт, звонки знакомым докторам... Потом избыток нервной энергии мама направила на оказание первой медицинской помощи своими руками. Руководствуясь тем сумбурным набором знаний, который она почерпнула из гляцевых журналов и телесериалов, мама уложила Ромку на диван, посветила ему в глаза настольной лампой, померила давление, смыла влажной губкой хваленый клеветровский крем, нанесла на место ушиба какой-то очень прохладный, а потому приятный гель... Убедившись, что состояние Романа стабильное, без изменений, угрозы жизни нет, и мы его уже не теряем, мама опять пустила слезу (на этот раз – тихонько, без воплей) по поводу безнадежно изуродованной внешности любимого сыночка.

– Ну мам! – сказал Ромчик. – Подумаешь, синяк на лбу...

Но тут уже мама – хозяйка трех косметических салонов и одной клиники пластической хирургии – оказалась в своей стихии. Услышав план предстоящих мероприятий по восстановлению ангельской красоты Ромочки, вышеозначенный Ромочка искренне пожалел, что железный ковыряльник в кривых ручонках Клеврета не пробил череп насквозь. Лежал бы сейчас мертвый и красивый...

– Мам, – попытался съехать Ромка, – у меня голова болит. Можно я к себе пойду, полежу чуточку?

Конечно, было можно. Мама даже помогла несчастному травмированному ребенку подняться на второй этаж и расстелить постель. Ромчик дождался, пока мама уйдет, запер дверь, накинул пуховую жилетку и вышел на балкон. Под мраморным горшком с фикусом он прятал сигареты и зажигалку. Главное – не пропустить момент, когда вернется отец и загорится свет в кабинете на третьем этаже, как раз над ромкиной спальней. Если отец унюхает запах табака...

Ну вот, сглазил. Судя по шуму открывающихся ворот, во двор заезжал отцовский «Хаммер». Ромчик забычковал окурок и пошел чистить зубы.

За этим занятием отец его и застал, бесцеремонно открыв дверь своим ключом.

– Ты чего это вдруг? – насутился отец.

– Тошнит, – соврал Ромчик.

– Так, – сказал отец. – Закончишь – зайдешь ко мне в кабинет.

У Ромки аж скулы свело. Он ненавидел, когда отец обращался с ним, как с одним из своих подчиненных. Но зайти-то все равно придется...

Геннадий Романович Радомский, хозяин и генеральный директор компании «Радомбуд», достал из мини-бара бутылку ирландского виски «Талламор Дью» и щедро плеснул себе в стакан.

В дверь кабинета тихо поскреблись.

– Заходи! – сказал Радомский.

Ненаглядный отпрыск приотворил тяжелую дверь и бочком протиснулся в кабинет. Синяк у него на лбу был шикарный. Радомский открыл холодильник под мини-баром, вытащил одноразовый пакетик для льда, разорвал пару кармашков, бросил лед себе в виски, а остальное протянул сыну.

– На, приложи. Чтоб хоть шишки не было.

– Спасибо, – угрюмо сказал Ромчик, прикладывая лед ко лбу.

Радомский пригубил виски и спросил:

– Кто тебя так?

– На истфехе, – все так же угрюмо ответил Ромчик.

– Ты мне тут партизана на допросе не изображай. Я спросил – кто, а не где.

– Ты его не знаешь.

– Понятно, – сказал Радомский. – А ты?

– Что – я?

– Ты его знаешь?

– В смысле?

– В прямом. Ты знаешь этого дебила, который чуть не раскроил тебе голову? Он тебе кто – друг, брат, сват? Боевой товарищ? Почему ты разрешаешь всяким дебилам бить тебя по голове разными железяками? – Радомский почувствовал, что начинает заводиться. Тише, сказал он себе. Спокойнее.

– Это мое хобби, – сказал Ромчик.

– Фотография – это хобби. Компьютерные игры – это хобби. Скалолазание – это хобби. А получать по голове – это хобби для дебилов, – назидательно сказал Радомский.

– Да это случайно случилось...

– Откуда ты знаешь? – перебил сына Радомский. – Почему ты в этом уверен?

– В чем уверен?

Ромчик, скотина, решил действовать по старой отработанной схеме: попка-дурак, ты спросил, я переспросил, и давай посмотрим, кто из нас первый устанет. Ладно, пойдем другим путем. Отец встал из кресла, подошел к окну и резким движением вздернул жалюзи.

– Что ты видишь? – спросил он.

Ромчик пожал плечами. С третьего этажа их особняка открывался панорамный вид на все Заречаны, от круглосуточного киоска прямо напротив ворот, и до окутанных синей дымкой многоэтажек Житомира, над которыми садилось оранжевое солнце.

– Заречаны, – сказал Ромка.

– Село Заречаны, – подтвердил отец. – Пригород Житомира. Последние годы приобретающий статус престижного коттеджного поселка. Так?

– Ну, так.

– А вон там что ты видишь? – Радомский указал на трех человек, обтиравшихся возле водочного киоска.

– Алкаши какие-то, – опять пожал плечами сбитый с толку Ромка.

– Вот именно. Коттеджный поселок – и алкаши. Прямо возле наших ворот. Гримасы молодого капитализма. Ты слышал про Французскую Революцию? – неожиданно спросил Радомский.

– В школе проходили...

Радомский допил свой виски, побренчал льдинками в стакане и, подумав, налил себе вторую порцию.

– Триста лет назад кучка аристократов придумала лозунг «Либерте-Эгалите-Фратерните», и тем самым вбила первый гвоздь в гроб западной цивилизации, – сказал он. – «Свобода, равенство и братство». Оставим в покое либерте и фратерните; но вот эгалите... Идея равенства всех людей, такая притягательная и заманчивая, включенная во все возможные декларации и манифесты, не выдерживает прямого столкновения с реальностью. Ты согласен со мной?

– Нет, – помотал головой Ромка.

– Нет? – удивился Радомский. – Видишь вон того алкаша? Ему в жизни надо нажраться, проблеяться и опять нажраться. И он равен мне? Или тебе? Ты понимаешь, что это не так; и он понимает, что это не так. Но ты – интеллигентный мальчик из обеспеченной семьи, делаешь вид, что вы равны, а он – нищее, голодное, непохмелившееся, и поэтому озлобленное быдло, тебя просто ненавидит. Для того уroda, с которым ты подрался, твой айфон – уже повод любой ценой набить тебе морду. Они и ходят туда, в это ваше историческое фехтование, не для того, чтобы в рыцарей играть, а чтобы набить кому-нибудь морду. Ну нет у них других развлечений! И они так выплескивают избыток своей озлобленности. Не фехтование – так кикбоксинг какой-нибудь, «бойцовские клубы» всякие разные... Но тебе-то оно зачем?

– А мне нравится, – гордо вскинул голову Ромка. – Там мои друзья. И мне там интересно.

– Интересно, – повторил Радомский, играя желваками. – Значит, так. На истфех – больше ни ногой. Узнаю, что ходишь – посажу под домашний арест. Утром в школу, вечером домой. И даже на фотографию к Загорскому не отпущу. Понятно?

– Понятно! – Ромчик был мрачнее тучи. – Я могу идти?

– Свободен, – махнул рукой Радомский.

7

Если в уездном городе N количество парикмахерских и похоронных бюро наводило авторов бессмертного романа на мысль о том, что жители города рождались лишь затем, чтобы побриться, постричься и сразу же умереть, то в Житомире горожан ожидала более страшная, чем смерть, участь. Да, парикмахерские (пардон: салоны красоты!) тут встречались на каждом углу; Ника где-то читала, что это популярный «бизнес в подарок» – от серьезного предпринимателя любимой жене, чтобы меньше тратила денег на шопинг. Но вот вместо похоронных бюро в Житомире были банки. Всех видов и размеров, от гигантских строений с колоннами, до крошечных офисов, где можно было обменять валюту, снять деньги с банкомата и, разумеется, взять кредит.

Да уж, родиться, взять кредит, на все деньги навести красоту, и потом остаток дней выплачивать проценты. Кредитный бум, провинциальный вариант.

Тем не менее, жизнь в городе бурлила, особенно если сравнивать с концом 90-х, когда Ника уехала. Первые этажи жилых домов активно выкупал малый бизнес, превращая квартиры в магазины, офисы и мастерские по починке мобильных телефонов. Новостроек, по крайней мере в центре, заметно не было, зато старые дома активно реставрировались усилиями все того же малого бизнеса. Результат был чаще всего комичный: в старый, облупленный фасад вклинивались новенькие сегменты модной нынче декоративной штукатурки, приделывались крылечки, козырьки и вывески – выглядело это все, как золотые коронки среди гнилых зубов. Крылечки были все как одно из красного гранита, предательски скользкого зимой. Впрочем, владельцы малых бизнесов искреннее полагали, что табличка «Осторожно! Скользко!» заменяет собой резиновый коврик...

Особо продвинутые еще и мостили кусок тротуара перед своим крыльцом разноцветной плиткой, создавая пестрые ровные островки среди серого, растрескавшегося, местами вздыбленного корнями деревьев асфальта.

Дороги в Житомире оставались все такими же отвратительными. Машин, если сравнивать с Киевом, на улицах почти не было, что не мешало водителям создавать пробки и тянучки. Вдоль тротуаров еще лежали окаменевшие сугробы.

Ника решила прогуляться, чтобы развеяться после скандала в библиотеке (закончилось все вызовом милиции; Ника удрала до того). Миновав старинную водонапорную башню – центр мира, по версии Чаплыгина, и выйдя на Старый бульвар, Ника все ждала, когда же ее сердце кольнет сладкая тоска по городу, где она родилась и выросла – но ждала напрасно. Житомир производил на нее откровенно гнетущее впечатление.

И дело было даже не в домах и улицах. На обшарпанную старину и современную безвкусицу Ника вдоволь насмотрелась и в Киеве, и в Москве, да и в той же Варшаве. Люди... Вот уж кто действительно угнетал.

Бросалось в глаза обилие кожаных курток. Всех фасонов, вплоть до длинных кожаных пальто. Опора и поддержка турецкой кожевенной индустрии. Хорошо хоть, спортивные штаны уступили место джинсам. Но гамма осталась прежней: серый, черный, коричневый. Иногда – темно-синий. Изредка попадались вкрапления ярко-красного (явный иностранец в качественном анорাকে) и ядовито-зеленого (молодая девчонка в стиле «аниме»), которые лишь подчеркивали всеобщий траур.

Траур был и на лицах. Угрюмые, мрачные, озабоченные. Ни одной улыбки, ни одной хохотушки. Встречные мужики периодически смотрели на Нику так, что хотелось достать газовый баллончик...

В общем и целом, прогулка улицами родного города не доставила Нике никакой радости. Описав большой круг от библиотеки через бульвар, в сторону базара, мимо барахолки и загаженного сквера, и свернув к пешеходной Михайловской улице, Ника собралась было возвращаться домой, когда на нее налетел какой-то парень и чуть не сбил с ног.

– Ох, простите ради бога! – засуетился он, поддерживая Нику под оба локтя. – Я дико извиняюсь, просто тысяча извинений, задумался о своем, и вот – на тебе...

Рассыпаясь в извинениях, парень продолжал держать ее руки. В правой руке у него был портфель, и портфель это больно упирался Нике в ребра. Не отпустит, решила Ника, заеду коленом. Позиция была самая подходящая.

– Ника?! – вдруг перебил сам себя парень. – Ника Загорская? Ты? В Житомире?!

Ника внимательно взгляделась в парня. Дорогой галстук, дешевый костюм. Короткий кожаный плащ. Остроносые туфли. Гладенькое, ухоженное лицо. Темные волосы, хорошая стрижка. Ничего даже близко знакомого... хотя... если добавить чуточку прыщей, а волосы сделать сальными... и накинуть килограмм эдак десять...

– Белкин? – неуверенно уточнила Ника, и парень расплылся в широкой голливудской улыбке.

– Ну, теперь я тебя точно не отпущу, – заявил он. – Пошли на кофе!

– А что я? Я нормально живу, – сказал Белкин. – Как все. Это вы там по столицам да по заграницам...

– Что – мы? – спросила Ника.

– Занимаетесь творческой самореализацией и живете насыщенной жизнью, – с легким сарказмом сказал Белкин. – А у нас в провинции все по-старому. Тише едешь – дальше будешь, ну и так далее. У нас все всегда нормально, все по-старому, все как всегда.

– И тебе это нравится?

- Меня от этого тошнит, – сказал Белкин с отвращением. – Но деваться-то некуда... Ника рассмеялась.
- Не прибедряйся, Белкин. Ты всегда был... как это? Нонконформистом, вот.
- Да уж, – польщено ухмыльнулся Белкин. – Помнишь историю с журналом?
- Так это был ты?!
- А то кто же...

Тут они уже оба рассмеялись. Ника и сама не ожидала, что ей будет действительно приятно вот так вот сидеть с человеком, которого она не видела двенадцать лет, и вспоминать былые школьные деньки. Белкин даже пытался ухаживать за ней в восьмом и девятом классах, пока она не отшила его самым недвусмысленным образом. Потом он старался с ней «просто дружить», видимо, все еще на что-то надеясь. Мальчик он был странный, со своими мухами в голове. Класса до седьмого учился на одни пятерки, был круглым отличником, шел на медаль, а потом его перемеркнуло. Длинные волосы, перекуры на переменах, футболки с «Арией», прогулы, хамство учителям и – вершина подросткового бунта – похищение и уничтожение классного журнала (был под следствием, но доказательств не нашли). Все эти выкрутасы не произвели тогда на Нику должного впечатления... Она вообще мало внимания обращала на одноклассников, за что ее считали высокомерной сучкой.

Сейчас она мучительно пыталась вспомнить, как же Белкина зовут по имени...

– Может, по коньячку к кофе? – с надеждой спросил Белкин. – По такому случаю, а?

– А тебя с работы не выгонят? – насмешливо спросила Ника бывшего нонконформиста, а ныне – скромного служащего в одном из многочисленных житомирских банков.

– Да пошли они! – махнул рукой Белкин и подозвал официантку: – Девушка, два по пятьдесят «Закарпатского», пожалуйста!

Некоторые вещи с годами не меняются, решила Ника. Может, Белкин и стал выглядеть лучше – ну, по крайней мере, одеваться более-менее, спасибо дресс-коду – но внутри остался тем же игрушечным бунтарем. Мальчик-отличник, что курит на переменах, или офисный планктон, выпивающий за обедом... И в той, и в другой ипостаси Белкин был смешон, даже не подозревая об этом.

– Может, ты голодная? – проявил заботливость Белкин. – Тут классные деруны со сметаной...

Ника отрицательно покачала головой. Тут – это в маленькой занюханной кафешке, куда Белкин затащил ее на чашечку откровенно паршивого кофе. В кафе, или, как его называли на местном диалекте, «гендельке», не меняли интерьер с момента его открытия лет двадцать тому назад. Матерчатые скатерти тошнотворно-розового оттенка, полиэтиленовые «коврики» под тарелками, обтянутые дерматином стулья, пластмассовые цветочки в вазочке, меню в пухлой папке из кожзама, каждая страничка вложена в файл, цены написаны от руки, и, как завершающий штрих, потрепанная жизнью официантка с прокуренным до сипоты голосом... И, разумеется, радио «Шансон».

– Знаешь, – задумчиво сказала Ника, глядя по сторонам, – а ведь лет через тридцать дизайнеры интерьеров будут по крупницам воссоздавать стиль «лихих девяностых». Крутить блатняк, устраивать костюмированные «пати» с малиновыми пиджаками, золотыми цепями и перстнями-гайками... И называться это будет «ретро», или там «винтаж-нуар»...

Белкин явно не понял, о чем идет речь. Он вдруг уставился Нике за спину и густо покраснел. Ника обернулась. Ну надо же... как тесен мир. В кафе-гендельке вошла та самая библиотечка Марина, одетая в мешковатый пуховик, скрывающий грушевидность ее фигуры, и длинный ярко-красный шарфик фасона «вечная память Айседоре Дункан».

Прямой наводкой подойдя к их столику, Марина несколько демонстративно поцеловала Белкина, сразу заявляя свои права, а тот вскочил и помог ей раздеться.

– Познакомься, это Ника, моя одноклассница! А это Марина, моя... – Белкин запнулся, и Марина закончила за него:

– Жена.

– У нас гражданский брак, – добавил Белкин, словно оправдываясь.

– Очень приятно, – сказала Ника. – Мы уже встречались.

– Я помню, – сказала Марина, протирая свои чудовищные очки. – А ты почему не на работе, Игорек? – спросила она подозрительно.

– Меня в статистику послали, с отчетом, – все тем же оправдывающимся тоном сказал Белкин, – а тут – Нику встретил. Мы ведь лет десять не виделись!..

– Больше, – сказала Ника. – Двенадцать.

– А где это вы встречались? – поменял тему разговора Белкин.

– В библиотеке, – ответила Марина. – Там сегодня такое было...

Она глубоко вздохнула, и принялась рассказывать, как неизвестные вандалы оквернили картину выдающегося художника, и как долго их, скромных тружеников искусства, допрашивали менты. Принесли коньяк, Марина с ходу хлопнула одну стопочку, и из нее просто хлынули все негативные впечатления сегодняшнего дня.

Нике даже стало ее на какой-то момент жалко. Бедная дурочка, после всех этих треволнений зайти в кафе и застать любовника... пардон, гражданского мужа с какой-то фифой. Главное – дать ей понять, что никакого соперничества между ними нет и быть не может, а то такие дуры бывают весьма и весьма агрессивны, когда дело заходит до дележа самцов.

– Обалдеть, – сказал Белкин. – Какие страсти в нашем городе. Ника, а ты все это фотографировала, так?

– Угу, – кивнула Ника, осторожно нюхая коньяк.

– Можешь скинуть мне фотки? Я в блоге выложу, хоть какое-то событие, в кои-то веки...

– А самое странное, – сказала Марина, – что этот рисунок я совершенно точно где-то уже видела.

8

Белкин вел себя, как последний кретин. Марина смотрела, как он выделяется перед своей одноклассницей, и испытывала стыд напополам с отвращением. То он надувал щеки, хвастаясь жизненными достижениями («а еще я машину взял в кредит»), то – пускал сопли, вспоминая какие-то давние школьные дела, периодически заискивал (было бы перед кем), и – вершина наглости – пытался заигрывать прямо в ее, Марины, присутствии. Это было бы совсем уж гадко, если бы не было так смешно.

Чисто из принципа Марина ему не мешала. Если человек выставляет себя идиотом, не следует становиться у него на пути. Девчонка-фотограф явно относилась к Белкину с пренебрежением. Эта Ника вообще относилась ко всем свысока, как будто делала миру большое одолжение... Когда в ходе беседы выяснилось, что Ника – еврейка, которая после десятого класса уехала в Израиль, Марине все стало ясно.

А вот Белкин таращился на эту костлявую стерву глазами влюбленного барана. Ну, на то он и Овен, чтобы быть бараном. Марина была Скорпионом, поэтому их отношения с Белкиным вспыхнули сразу, горели недолго, а сейчас плавно переходили в стадию медленного тления. Марина, естественно, контролировала весь процесс, а Белкин периодически выкидывал коленца. Вот и сейчас, в самом в конце разговора, он вдруг, никого не спросив, позвал Нику в гости. В ее, Марины (вернее, ее и мамы) дом, где Белкин жил уже три месяца, не сильно утруждая себе домашними заботами. Вот ведь хам.

Марина демонстративно промолчала, Ника из вежливости согласилась, они с Белкиным обменялись номерами мобильных и попрощались. Хорошо хоть, обошлось без слюнявых поцелуев в щечку.

Белкин сразу трусливо удрал, а Марина потом еще полчаса гуляла по городу, разглядывая витрины. Внутри у нее все клокотало от негодования.

Подождав, пока выветрится гнев и хмель от коньяка, Марина села в маршрутку и поехала к Анжеле. Если кто-то и мог разобраться в сегодняшних событиях, то только она...

С Анжелой Валерьевной Слипко Марина познакомилась четыре года назад, на фестивале авторской песни в Денышах. Ее тогдашний ухажер, Володя Чекмарев, романтик-переросток, сорок два года, комната в малосемейке, свитер, борода и гитара, отрекомендовал Анжелу как «женщину всех возможных и невозможных достоинств». Низенькая, широкая в кости, с короткой стрижкой, задранном носиком и отвислыми щечками, Анжела была похожа на мопса. Марина, которая тогда находилась на стадии «а не послать ли Володю с его бардами, кострами, комарами и комнатой в общежитии в пеший эротический поход», решила, что он окончательно сбрендил. Но потом Анжела начала петь...

Без аккомпанемента, в полной тишине, чистым, почти детским голосом, попадая во все ноты, Анжела пела какую-то восхитительную чепуху банальнейшего содержания – а у Марины катились слезы. И не только у нее... Рыдали все. Когда Анжела закончила петь, а зрители – плакать, Марина схватила Чекмарева за локоть и потребовала немедленно их познакомить. С тех пор Чекмарев со своей гитарой успел кануть в лету, а дружба между Мариной и Анжелой превратилась в практически родственные отношения. Марине было двадцать шесть, Анжеле – на двадцать лет больше. Не то чтобы она заменила Марине мать (с которой отношения всегда были... непростые), а скорее – старшую сестру. Именно Анжела всегда помогала ей прийти в себя после разрыва отношений с очередным неудачником, разобраться, почему Марине всегда достаются одни неудачники, подобрать новый стиль в одежде или расставить мебель в квартире согласно всем правилам фэншуй. За последнее мама Марины Анжелу терпеть не могла, и запрещала дочери приглашать ее в гости.

Но это было только к лучшему: теперь Марина могла чаще вырываться из дома под предлогом визита к лучшей подруге... Обитала Анжела на Мануильского, в маленьком частном доме, почти ушедшем под землю (подоконники были немногим выше тротуара) от старости и постоянных вибраций трамвайных путей. Снаружи домик с запущенным двором (чахлая яблоня в окружении сгнившей падалицы, покосившийся забор, самодельная будка со старым, подслеповатым, вечно дрыхнувшим барбосом) выглядел совсем убого, зато изнутри напоминал музыкальную шкатулку. Натуральные шелковые шпалеры, персидский ковер, старинная мебель, куча антикварных цапек вроде медного самовара и ступки с пестиком (конец 18-го века, по словам Анжелы, наследство от бабушки), старинная же станина от швейной машинки с ножной педалью – правда, вместо самой машинки на ней стоял вполне современный ноутбук, и пышная, как торт, кровать с пуховой периной и стальными шарами на спинке.

Как это называла сама Анжела, «триумф мещанства». Замужем она никогда не была, постоянной работы не имела, и на какие средства содержала свое уютное гнездышко, Марина толком не знала. То есть, она слышала от Анжелы разные официальные версии – про гадания на картах Таро для доверчивых дур, сеансы спиритизма для скучающих эзотериков, продажу дисков с песнями в собственном исполнении, и консультации «по очистке кармы» – но все это вместе взятое не объясняло ни новенького «Хюндая» Анжелы, ни странных типов с липкими глазами, с которыми иногда сталкивалась Марина в дверях.

В этот раз, слава богу, у Анжелы никого не было. Хозяйка дома встретила Марину в нежно-розовом халате с пушистыми отворотами и, почему-то, в ярко-красных туфельках на высоком каблуке. Расцеловала в обе щеки, приняла курточку и шарф, усадила за стол, включила электрочайник, попутно закрыв ноутбук, поставила перед Мариной вазочку с перекрученной смородиной и сказала, проницательно прищурившись:

– Ну-с, милочка моя, и что у нас сегодня случилось?

Марина достала из сумочки свой старенький «Олимпус» – самую обыкновенную, но очень хорошую «мыльницу», которой, конечно, далеко было до профессиональной зеркалки Ники, но ведь и Марина – не профессионалка, так ведь? – и вместо ответа продемонстрировала Анжеле багровую печать поверх полотна Чаплыгина.

– Так-так-так, – сказала Анжела и прищелкнула языком. – Одну минуточку...

Пока заваривался чай (как всегда, какой-то жутко экзотический, с кусочками фруктов, названия которых Марина и не слышала даже), Анжела подсоединила «Олимпус» к ноутбуку, слила фотографию и вывела ее на экран.

– Так, – опять сказала она. – Ну да, конечно. Блаватская.

Книжных шкафов у Анжелы не было по причине банальной нехватки свободного места, и книги по магии – всех форм и размеров, от старинных, в тисненой коже фолиантов, до современных глянцевых покетбуков – валялись повсюду. Анжела вытащила из-под кровати потрепанный том с торчащими закладками, быстро пролистала его и ткнула пальцем в абсолютно такой же символ, только не багровый, а черный.

– Черное Солнце, – сказала Анжела и строго спросила: – Где ты это сфотографировала?

– В библиотеке, – ответила Марина и коротко изложила события сегодняшнего дня.

– Идиоты, – фыркнула Анжела, выслушав ее. – Очередные вандалы-сатанисты. Когда же они наиграются...

– А что это значит? Ну, Черное Солнце?

– Пуп земли и центр Вселенной, – пренебрежительно пояснила Анжела, захлопывая книгу. – Все и ничего. Деточка, это просто символ. А любой символ значит ровно то, что ты думаешь, что он значит. Может быть, это нацики побаловались – это ведь еще и двенадцатилучевая свастика...

– Но зачем? – пожала плечами Марина.

– Что – зачем? Затем! Мариночка, миленькая, игра в оккультизм – это как секс, важен не результат, а сам процесс, – назидательно объяснила Анжела. – Это как те балбесы, что приходят ко мне заниматься столоверчением. Им же не духов надо вызвать, а себя медиумами почувствовать. А этим, с краской, важно что-нибудь намалевать на картине. Желательно, конечно, что-нибудь такое эдакое. Чтобы все ахнули. А Блаватская – вполне доступный ширпотреб. Вот увидишь, завтра во всех газетах...

Марина съела ложку варенья и отхлебнула чай. Анжела хоть и подрабатывала гадалкой, клиентов своих откровенно презирала. Хотя сама была ой как непроста...

– Так что же, никакого тайного смысла в этом нет? – на всякий случай уточнила Марина.

– Есть. И тайный, и явный, и двойной, и обманной. Смыслов – их сколько надо, столько и есть. У тех, кто малевал – один смысл, у тех, кто их искать будет – второй смысл, у тебя – третий... Ты ведь не только из-за этого пришла, верно? Давай, рассказывай, что твой козлик выкинул на этот раз...